

СТАТЬИ

М. Я. СЮЗЮМОВ

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ
ФЕОДАЛИЗМА В ВИЗАНТИИ**

Условия, в которых проходил процесс возникновения и развития феодальных отношений в Византии, во многом отличались от тех, которые были характерны для обществ, непосредственно переходящих от родового строя к феодализму, минуя стадию рабовладельческих отношений. Для Византии мы должны отметить наличие исторически сложившейся многовековой культуры, рабовладельческой по существу, наличие исторически сложившейся мощной надстройки, целой системы правовых воззрений, проникших в массы. Налицо были сложившиеся, занимающие определенное место в общественном производстве и распределении прослойки господствующего класса и готовые, имеющие определенное юридически закрепленное место в государстве сословия, которые не были уничтожены во время вторжения славян¹. Положение было совершенно иное, чем в общине франков или в марке германцев, где классы зарождались, преодолевая только традиции родоплеменных отношений. В противоположность исходному моменту феодализации франкского общества, в становлении византийского феодализма этот момент не играл существенной роли. Определяющее значение имела лишь классовая и религиозная принадлежность. В Византии общность племенная заслонялась сознанием общности гражданства („римляне“, в произношении греков — „ромей“). Отметим также исключительно выгодное для товарного обращения географическое положение основных районов Византии. Такого удобного центра, как Константинополь, не было на Западе. При определении своеобразия процесса феодализации Византии необходимо считаться с тем фактом, что Константинополь в течение всей истории Византии являлся центром экономическим, политическим и культурным для всей страны, чего не было на Западе. Еще важнее положение, которое, несмотря на свою, на мой взгляд, бесспорность, тем не менее иногда отвергается, а именно, то, что в противоположность развитию франкского и германского феодализма, где город возник только в результате последующего выделения ремесла

¹ Исходя из этого, мы всегда категорически протестовали против попыток перенесения на византийскую историю тех положений, которые Ф. Энгельс применял к обществу, непосредственно выходящему из родоплеменного строя (например, положение о медленности процесса выделения аллодиальной собственности; ср. А. П. Каждан. Особенности феодальной собственности в Византии. ВВ, X, 1956, стр. 53).

из сельского хозяйства, в Византии город вступил в период феодализации, так сказать, в готовом виде².

Разумеется, в продолжение веков город не оставался неизменным, но тут нам важно подчеркнуть, что уже в процессе генезиса феодальных отношений город вступил как экономически развитый центр товарного производства³, со сложившимся ремеслом, торговлей, установившимися веками формами эксплуатации городской знатью свободного населения и, кроме того, с торговыми связями и сельской округой большого радиуса⁴.

То, что мы отметили в отношении города, в известной степени касается также и византийской деревни. Хотя несомненно, что к началу периода генезиса феодализма в основных районах Византии в византийской деревне существовали свободные крестьянские общины⁵, процесс выделения в недрах общины частной собственности на землю был делом далекого прошлого, давно пройденным этапом развития. Частная собственность на землю на Востоке существовала и до проникновения римского права — в греческих городских общинах для полноправных граждан, — но с ограничением, запрещающим продавать землю не входящим в члены общины чужакам, метэкам. Это право полной частной собственности на землю (с запретом продавать землю чужакам) сохранилось как обычное право и среди населения византийских деревенских общин. Закон Льва и Анфимия (468 г.), разумеется, не был правительственной инициативой, но являлся уступкой обычному праву. Митрокомия в Византии была вполне сложившейся общинной организацией, и что касается форм собственности, то имущественные отношения деревни „Земледельческого закона“ продолжают традиции митрокомии⁶. Характерно, что при переводе на греческий язык Кодекса Юстиниана слово „митрокомия“ передано словом *χώμη*, что обозначает деревню вообще (Cod. Just., XI, 56,1 — Vas. 55, 5, 1). Это говорит за то, что порядки митрокомии в дальнейшем распространились на все деревни вообще.

Разумеется, влияние процессов феодализации сказались на деревне неизмеримо шире, чем на городе; но генетически византийская община так же, как и город, вступила в средневековье „в готовом виде“, т. е. уже со сложившимися формами собственности. Ф. Энгельс го-

² Разумеется, в числе византийских городов были и такие, которые в буре событий конца VI и VII вв. были стерты с лица земли или превращены фактически в деревни. Но мы имеем в виду города сохранившиеся. Когда В. Невская пишет о торговом значении Византия, то можно думать, что это относится к Константинополю раннего средневековья! (В. Невская. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953). Античные города вошли в средневековье в готовом виде не только в Византии, но и в Арабском халифате, Испании, Сицилии, Южной Италии.

³ Основные труды о ранневизантийском городе как преемнике эллинистического см.: А. Н. М. Jones. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940; его же, в: La ville. Recueil J. Bodin, 6. Paris, 1954; его же. Cities of the Eastern Roman Province. Oxford, 1937; G. Tshalenko. Villages antiques de la Syrie du Nord. Paris, 1955.

⁴ См. нашу статью „Экономика пригородов византийских крупных городов“. ВВ, XI, 1956, стр. 55—81; ср. М. Е. Сергеевко. Сельское хозяйство итальянских suburbana. ВДИ, 1955, № 1, стр. 31 сл.

⁵ М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. ВС, стр. 2—53.

⁶ Закон Льва и Анфимия полностью опровергает утверждение Э. В. Удальцовой и А. П. Каждана (ВИ, 1958, № 10, стр. 84) о том, что позднеимперская община была основана на периодических переделах, т. е. что в недрах общины существовала общинная, коллективная собственность. Аргументация Таубеншлага (ВВ, XIII, 1958, стр. 1—8) основана или на примерах далекого прошлого, или на практике жеребьевки в порядке эпиле (что далеко не является свидетельством общинной собствен-

ворит о том, что частная собственность на землю на территории Римской империи была глубоко укоренившейся формой владения⁷. Византийская община под славянским влиянием сильно изменилась, как коллективно, так и во внутреннем устройстве. Но это не была, подобно общине Салической или Рипуарской Правд, община, привнесенная извне. Византийская община под славянским влиянием развивалась, но не деградировала на низшую стадию имущественных отношений. Славяне, как доказала советская наука, в момент появления на территории Византии были уже на столь высокой стадии развития, что техника обработки земли, пашни, огорода, виноградника предполагала труд отдельной (хотя и большой) семьи, а именно это обстоятельство и делало славянских поселенцев в районах греческого населения восприимчивыми к нормам полной частной собственности.

В соответствии с особенностями реальных условий Византии мы можем предложить следующую периодизацию развития феодальных отношений в империи.

I стадия — переходная (с начала IV до начала IX в.).

На первом этапе этой стадии (324—602) новым производственным отношениям, которые пробивались, не удалось преодолеть силу рабовладельческой империи. Налицо была революционная ситуация, но революционные силы не могли еще быть развязаны. Этот этап византийской истории необходимо отнести еще к рабовладельческой формации⁸.

На втором этапе этой стадии (602—824) наступил революционный крах рабовладельческого землевладения. Это — время преобладания свободной крестьянской общины в деревне с сохранением города и началом роста новой провинциальной землевладельческой знати. Феодальные институты находились еще в зачаточном состоянии.

II стадия — раннефеодальная монархия (с начала IX до начала XIII в.).

На первом этапе этой стадии (824—1081) происходит бурный рост крупного феодального землевладения и развивается процесс закабаления крестьянства. Однако феодальные отношения развиваются по пути преобладания города над провинцией.

На втором этапе (1081—1204) развитие феодальных институтов обостряет противоречия между провинциальной землевладельческой знатью и городом.

III стадия — расцвет феодальной системы и феодальная раздробленность Византии (XIII—XV вв.)

Ни стадии сословной монархии, ни перехода к абсолютизму мы в византийской истории усмотреть не в состоянии, хотя и можно отметить некоторые симптомы, свидетельствующие о возможности перехода Византии к этим этапам развития феодального государства.

Процессы феодализации происходили в Византии уже с самого ее возникновения в начале IV века. Несомненно, характер производительных сил уже не соответствовал рабовладельческим отношениям, и они стали уступать место новым отношениям. Вместо крупного хозяйства, основанного на организованном труде рабов, более выгодной формой останутся эксплуатация единоличного мелкого хозяйства непосредственных производителей (перевод на пекулий рабов, колонат, распространение форм личной зависимости — патроний). Отмечается тяга

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 633.

⁸ См. дискуссию в ВДИ, 1955, № 1 и 4, а также: Н. В. Пигулевская. Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма. ВИ, 1956, № 9; Э. В. Удадьдова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. ВИ, 1958, № 10.

из городов в поместья, укрепление частной власти (буккелярии, частновладельческие тюрьмы). Новые формы стали пробиваться повсеместно — как в сельском хозяйстве, так и в политических тенденциях господствующего класса и в идеологии (отход от старой религии к христианству, которое генетически восходит к протесту против рабовладельческих отношений).

Однако господствующие имущественные традиции и надстройка рабовладельческого общества были настолько сильны, что все пробивающиеся новые формы как в экономике, так и в идеологии приобретали рабовладельческую окраску и использовались для сохранения рабовладельческого строя. Перевод рабов на пекулий в условиях полного сохранения правового статуса раба можно считать только моментом более рациональной технической расстановки рабочей силы рабов в целях повышения интенсивности их труда⁹. Рабовладельцы вовсе не хотели лишаться собственности на личность раба — ведь даже простой неквалифицированный раб стоил 90 грамм чистого золота! (Cod. Just., VI, 43,3). Колонов старались переводить на статус энапографов, которые по отношению к средствам производства ничем не отличались от рабов, посаженных на пекулий. *Plena in re potestas* рабовладельца распространялась как на имущество, так и на продукт труда, хозяйство и личность энапографа¹⁰. В таких условиях теоретически совершенно невозможно относить энапографов к иной классовой группе, чем рабы. Сам Юстиниан признавался, что он не мог отличить энапографа от раба! Это — особый вид рабства в условиях разложения рабовладельческого способа производства. Как ни выгоден был переход к эксплуатации мелкого хозяйства, но класс рабовладельцев стремился переходить к новым формам, нисколько не уменьшая своих традиционных имущественных прав на личность работника.

Новые производственные отношения пробивались и в форме роста свободной мелкой земельной собственности. А. П. Каджан убедительно показал наличие этой тенденции¹¹. Но в рамках рабовладельческой надстройки и эта тенденция приобрела рабовладельческую окраску. В свободной крестьянской собственности тоже использовался рабский труд¹². Недаром Иоанн Златоуст в самые критические годы Константинополя обращался к своей пастве с призывом ограничиться кирпичным домиком в три комнаты и только двумя рабами, — т. е. развивал утопию о строе мелких рабовладельцев! И надо признать, что мелкие рабовладельцы действительно представляли собой опору рабовладельческого строя в целом.

В идеологии победило христианство. Хотя оно и было связано с первоначальным протестом против рабовладельческого гнета, тем не менее в условиях непоколебленной мощи основного ядра рабовладель-

⁹ См. нашу статью „К вопросу о процессах феодализации в Римской империи“. ВДИ, 1955, № 1.

¹⁰ Cod. Just., XI, 47, 21: „... cum uterque in domini sui positus sit potestate“. Разумеется, *plena in re potestas* в отношении как к рабам, так и энапографам была связана с обязательствами неуклонного выполнения требований фиска (например, чтобы не допускать запустения земли, запрещалась продажа сельских работ и энапографов без земли).

¹¹ А. П. Каджан. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской Империи. ВДИ, 1953, № 3.

¹² В юридических документах IV—VI вв. больше говорится о зависимом крестьянстве, чем о свободном. Однако нужно иметь в виду, что подавляющее большинство свободного крестьянства IV—VI вв. скрывалось под именем горожан. Многочисленные мелкие „города“ на торговых путях и *castra* не могут экономически считаться городами и фактически были аграрными поселениями, обладающими правами полиса, т. е. деревнями рабовладельческого типа, в которых „горожане“ были мелкими рабовладельцами и в то же время крестьянами.

цев и силы рабовладельческого государства христианство (конечно, в лице своих иерархов, а не народных масс) превратилось в средство защиты рабовладельческого строя, в одну из форм воздействия на повышение производительности труда рабов.

Первый этап переходной стадии характеризуется, с одной стороны, революционной ситуацией, с другой, судорожными попытками реакционных сил сохранить свое господство. История этого этапа пестрит как разрозненными выступлениями народных масс, так и острой борьбой между различными эксплуататорскими группировками. Самый характер народных движений (религиозный, сепаратистский, антиналоговый, а иногда определенно реакционный люмпенпролетарский) не имел особого значения: важна была оппозиционная направленность. Выступления любого характера во время наличия революционной ситуации являлись опасными и вели к серьезному ослаблению рабовладельческого строя! Ни синие, ни зеленые¹³, ни поддерживающие их городские массы не выступали против рабовладельческого строя, но объективно их борьба перерастала в революционную.

Второй этап переходной стадии представлял собой время революционного краха рабовладельческих отношений, выразившегося прежде всего в сокрушении мощи опиравшегося на константинопольскую сенат крупного землевладения рабовладельческого типа. В условиях непрерывных народных волнений и борьбы внутри эксплуататоров, при постоянных, почти ежегодных вторжениях славян случайный мятеж сражавшейся на северных границах армии привел к созданию правительства Фоки, которое, независимо от своих субъективных намерений, на некоторое время стало выполнять революционные функции — громить константинопольскую сенаторскую землевладельческую знать. Плебейские массы городов были настолько увлечены событиями, что разгром рабовладельческой знати осуществлялся и в городах провинции¹⁴.

Первая половина VII столетия признается почти всеми византинистами как перелом в политических и общественных отношениях Византии, хотя буржуазные историки и не связывают этого перелома с падением рабовладельческого строя¹⁵.

Вторжение славян и почти ежегодные набеги арабов сделали практически невозможным ведение латифундиального и вообще крупно-

¹³ А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции в V—VII вв. BC; Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.—Л., 1946. ¹⁴ PG, t. 116, col. 1261 sq.

¹⁵ А. I. Toynbee. A Study of History, vol. IV. London, 1939, p. 320—408; N. Baynes and H.-St. Moss. Byzantium. Oxford, 1948, p. XVI—XIX. По признанию большинства буржуазных исследователей, с этих десятилетий в Византии начинаются „темные века“ („das dunkle Zeitalter“ — К. Крумбахер) или „Moyen Age“ de Byzance — Лемерль). Некоторые ученые особенно подчеркивают роль славянских вторжений: меняется этнический состав населения (Л. Фальмерайер. Ср. А. А. Васильев. Славяне в Греции. ВВ, V, 1898 г.), изменяется под славянским влиянием право (Цахарин, В. Г. Васильевский). В настоящее время Е. Кирстен (E. Kirsten. Die byzantinische Stadt. — Доклад на XI международном съезде византинистов в Мюнхене. München, 1958, S. 21) говорит даже о „революции Фоки“. В марксистской литературе эти события впервые связаны с падением рабовладельческого строя в Византии в трудах М. В. Левченко („К истории аграрных отношений в Византии в VI—VII вв.“ „Проблемы истории докапиталистических обществ“, 1935, № 1—2), затем А. В. Мишулина („Древние славяне и судьбы Восточноримской империи“. ВДИ, 1939, № 1). Во многих последующих работах советских ученых, в том числе и в учебниках для высшей школы, этот перелом рассматривался как результат слияния внутренней революции с наступлением славян. Иной точки зрения придерживается Е. Э. Липшиц, не видя в VII в. существенного перелома в общественных отношениях („О путях формирования феодальной собственности в балканских и малоазиатских провинциях Византии“. ВВ, XIII, 1958; „Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии“. ВДИ, 1955, № 4).

владельческого сельского хозяйства. Положение сложилось аналогичное тому, которое существовало на южных окраинах Московского государства, где в связи с постоянной опасностью набегов крымцев возможно было только мелкое хозяйство и военная организация населения. Наряду с бывшими колониями в византийских провинциях появилась масса поселенцев из славян и военнопленных¹⁶, а также беженцев из Арабского халифата. Все это пестрое население в условиях почти открытых границ вынуждено было жить сплоченными общинами, в условиях мелкого хозяйства и при наличии военной организации всего населения. Это явилось основой для создания фемного строя.

Вполне закономерно, что в странах, где господствовал рабовладельческий строй, при переходе к феодальной формации на длительное время устанавливается период преобладания в сельском хозяйстве свободной крестьянской общины. Ведь для установления феодальных отношений необходимо, чтобы средства производства перешли в руки непосредственных производителей¹⁷. В славянских и германских обществах это обстоятельство имелось налицо в родоплеменных отношениях. Но для общества, переходящего в феодализм из рабовладельческого строя, где рабы и занапографы были лишены не только собственности на средства производства, но и на продукцию труда, необходим был революционный переход земельной собственности в руки крестьян¹⁸.

В исторической литературе, начиная с Васильевского, придается особая важность вопросу о форме землевладения в византийской общине; являлись ли пахотные и занятые виноградниками участки крестьян общинной или частной собственностью. Но вряд ли этот вопрос представляет собою такую исключительную важность для уяснения процесса генезиса феодализма в Византии. В. И. Ленин писал относительно процесса становления капиталистических отношений в России, что „мы относимся очень равнодушно к вопросу собственно о формах крестьянского землевладения... Действительно важный вопрос относится вовсе не к форме землевладения, а к тем остаткам чисто средневековой старины, которые продолжают тяготеть над крестьянством: сословная замкнутость крестьянских обществ, круговая порука, непомерно высокое обложение...“¹⁹. Не следует ли и нам при изуче-

¹⁶ О преобладании свободного крестьянства в VII—IX вв. говорили Цахариэ, Васильевский, Папаригопулу, потом Константинеску (N. A. Konstantinescu. *Réforme sociale ou réforme fiscale*. „Bulet. de l'Acad. Roum. Sect. Hist.“, II, 1924, p. 94 sq.), а в настоящее время — Е. Кирстен („Die byzantinische Stadt, S. 26), который пишет: „Освобождение крестьян после Фоки, учреждение стратигических участков, земельное пространство между *хастра*, занятое на Западе славянами, а на Востоке беглецами из халифата, сделали крестьянство не только основой военного строя, но и всего хозяйства Византии“. См. также нашу статью „Проблемы иконоборчества в Византии“. УЗ Свердловского пединститута, вып. IV, 1948.

¹⁷ Ср. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 157.

¹⁸ Статьи А. Д. Дмитрева („Восстание вестготов на Дунае и революция рабов“. ВДИ, 1950, № 1; „Движение скамаров“. ВВ, V, 1952), равно как и учебник „Истории средних веков“ для высшей школы, слишком односторонне обрисовывают „освободительную роль“ нашествия варварских германских племен, которые, как мы знаем из источников, не столько „освобождали“, сколько физически истребляли большую часть всего населения, превращая многолюдные области едва ли не в пустыни. Нет никаких данных о том, что нашествия готов IV—V вв. или разбойничьи выступления скамаров содействовали переходу земельной собственности в руки крестьян. Но источники по славянской колонизации Балкан дают конкретные данные о развитии крестьянской собственности. (Е. Э. Липшиц. Из истории славянских поселений. Сборник в честь Б. Д. Грекова. М., 1950; см. также St. Thomopoulos. *Ἱστορία τῆς πόλεως Πατρῶν*. Patras, 1950, цит. по E. Kirsten. Op. cit., S. 15.

¹⁹ В. И. Ленин. Соч. т. 3, стр. 279—280.

нии генезиса феодальных отношений обращать внимание не столько на форму крестьянского землевладения, сколько на те условия, которые или препятствовали, или способствовали развитию феодальных отношений, на те внутренние возможности, которые имела община для поддержания мелкого крестьянского хозяйства и сохранения воспроизводства хозяйственных и социальных отношений на прежнем уровне? Сила сопротивления общины процессу закабаления непосредственного производителя базировалась вовсе не на наличии общинного землевладения. Всеобщая история дает примеры закрепощения крестьян при самых различных формах землевладения. Общинное землевладение вовсе не есть основа общины. Основа общины — производство. Всякая трудовая община как крестьян, так и ремесленников зарождается в недрах трудовой деятельности и имеет целью создание условий для воспроизводства. Разумеется, в примитивных условиях производства в родовой общине общинная собственность была наиболее эффективной формой собственности, но когда условия производства приводили к тому, что парцеллярное хозяйство делалось наиболее выгодным, самой удобной основой воспроизводства стала частная собственность. Разложение общинной собственности вовсе не означает разложения общины, наоборот, как показывает ремесленная община — цех, городская община средневековья, — общинные связи могут быть мощными и там, где элемент коллективной собственности (например на общие здания) играет минимальную роль.

Славяне застали в Византии такие общины, которые представляли собой союзы мелких землевладельцев-крестьян, причем в общинной, коллективной собственности находились луга, некоторые пустующие земли, леса, т. е. то, что германисты называют „альмендой“. „Земледельческий Закон“ фиксирует именно такую общину, которая состояла из мелких собственников — непосредственных производителей и осуществляла административно-судейские функции местного значения. Разумеется, что рассмотрение таких важных дел, как дела о святотатстве, мятеже, измене, деворастлении, не входило в функции местного деревенского самоуправления. Не обладало оно и такими прерогативами, как оформление завещаний, купли-продажи земельных участков и т. д. Несостоятельными поэтому являются все попытки доказывать наличие общинной собственности на земельные участки крестьян ссылаками на отсутствие в „Земледельческом Законе“ статей о продаже земли или же апелляции к тем статьям, которые говорят о наличии системы эпиболе.

Что же внесено славянами в византийскую общину? Именно то, о чем говорил Энгельс, — сплоченность, основанная на пережитках родовых отношений, большесемейные и родственные узы, которые в новых условиях переходили в соседскую сплоченность и взаимопомощь²⁰. Статьи „Земледельческого Закона“ говорят именно о такой

²⁰ Вопрос о влиянии славянского права, выдвинутый „русской теорией“, подвергся критике как со стороны дореволюционных русских исследователей (Б. А. Панченко, А. П. Рудаков), так и со стороны западных (Ф. Дэльгер) и эмигрантских (Г. Вернадский). Караянипулос заявляет: „Наконец, и русские ученые (со ссылкой на Вернадского) признали, что о древнеславянском праве мы ровно ничего не знаем“ (BZ, Bd. 50, 1957, S. 167). Разумеется, мы не имеем юридических источников древнеславянского права V—VII вв.; буржуазная наука на этом и останавливается, но марксистская историография, используя сравнительно-исторические данные о закономерном стадийном развитии общества, имеет более широкие возможности судить и о „праве“ славянских племен периода их переселения на Балканский полуостров. Классические положения Ф. Энгельса в его „Происхождении семьи, частной собственности и государства“ вполне применимы и к славянскому обществу V—VII вв. и могут облегчить понимание тех скудных данных, которые мы имеем из нарратив-

тесной сплоченности интересов всех членов общины, собственников мелких участков земли. Именно это делало византийскую общину более сильной в процессе сопротивления попыткам закабаления, чем если бы община была основана на периодических переделах и прочих формах проявления общинной собственности²¹.

Генезис феодализма в Византии проходил в условиях, когда византийское государство не было сокрушено; это означало, что византийская община все время находилась на положении эксплуатируемой господствующим классом в целом, но не отдельным господином-землеладельцем. Община, несмотря на то, что она состояла из свободных крестьян, вынуждена была отдавать государству прибавочный продукт (но главным образом в форме налога). Каждый историк, исследующий генезис византийского феодализма, должен, конечно, учитывать и эту особенность. Но некоторые ученые приходят при этом к совершенно неправомерным утверждениям. Так, Г. Острогорский и А. П. Каждан²² настаивают, что в Византии процесс генезиса феодализма определялся так называемой „централизованной рентой“, которая предшествовала вотчинной ренте. Согласно взглядам этих историков, крестьянство, выплачивая „централизованную ренту“, фактически превращалось в крепостное и ничем не отличалось от обыкновенных частновладельческих париков. Острогорский, правда, говорит об этом применительно к X в. Но поскольку „централизованная рента“ — это не что иное, как налоги, следует признать, что такой гнет испытывали на себе и свободные крестьяне митрокомии IV—VI вв., и общины „Земледельческого Закона“, и нет никаких оснований видеть в этом феодальную ренту и крепостное право. Согласно этой теории, полностью стирается всякая разница между свободным и закабаленным общинником.

Мы не можем присоединиться к такой точке зрения. Нельзя смешивать ренту с налогом: ренту получает собственник земли, притом для своего собственного потребления, а налоги идут государству, которое выполняет иные функции, чем отдельный собственник, укрепляя классовое господство в целом. Плательщик налогов — даже самых тяжелых — тем не менее считается свободным, поскольку не зависит от отдельного собственника. В классовом обществе юридическое понятие свободы (которое ложится в основу сословного деления), вовсе не предполагает материального благосостояния и экономической независимости, тем более в отношениях к государству.

Сокрушение мощи рабовладельческого землевладения, безусловно, отразилось на положении города. Ряд городов буквально был стерт с лица земли (например Ампиполь, который восстанавливается только в X в., но уже как совершенно новый город)²³. Революционный крах

²¹ Характерно, что в византийском законодательстве укрепление общины после славянского вторжения прослеживается не в каких-либо новых предписаниях о правах общины как собственника земли, а в укреплении прав частной собственности отдельного (даже бежавшего из общины) члена. Так, в IV—VI вв. за бежавшим членом общины его земельный участок закреплялся на пять, а потом только на два года. А после VII в. устанавливается 30-летний срок, в продолжение которого ни община, ни фиск не могли окончательно распорядиться землей бежавшего (J. Malafosse. *Le droit agraire au Bas Empire et dans l'Empire d'Orient*. „*Rivista di Diritto Agrario*“. № 1, 1955, p. 55).

²² G. Ostrogorski. *Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine*. Bruxelles, 1956; рец. А. П. Каждана. ВВ, XII, 1957.

²³ Наличие упадка городского строя в VII—IX в. (за исключением отдельных военно-политических и торговых центров) признает в основном вся историография (см. А. П. Каждан. Социальный состав населения византийских городов в IX—X вв. ВВ, IX, 1956; его же: Византийские города в VII—XI вв. СА, 1954, № 21; его же. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960; Э. В. Удальцова и А. П. Каждан. Ук. соч., ВИ, 1958, № 10; G. Ostrogorsky. *Byzantine Cities in the early middle Ages*. DOP, 13, 1959). Спасаясь от варварских нашествий,

рабовладельческих отношений в Византии был не единовременным актом, но процессом, продолжавшимся длительное время и не завершившимся полностью. Государственная власть вместе с дорогостоящим аппаратом и тяжелой налоговой системой сохранилась. В борьбу за овладение государственной властью стали выступать различные прослойки господствующего класса переходного общества.

Генезис феодализма в Византии проходил в более сложных условиях, чем во Франкском государстве: в результате сложившихся исторических условий, а также благодаря географическому положению эксплуататорский класс в Византии не был столь монолитным, как в меровинго-каролингской Франции. Поэтому в Византии возможны были различные пути феодализации, смотря по тому, какая из прослоек собственников станет в своих интересах утверждать и оформлять феодальные институты. В Византии возможны были три пути развития феодализма:

1. В интересах растущей провинциальной землевладельческой знати, материальной базой которой была феодальная рента. Этот путь вел через временное укрепление центральной власти для завершения закабаления крестьян к феодальной раздробленности. Мы бы определили его как „каролингский“²⁴.

2. В интересах землевладельческой знати, опирающейся на города, использующей выгоды товарного хозяйства, основа господства которой — не столько индивидуальная зависимость трудящегося, сколько сословное неравенство, налоговый гнет, эксплуатация крестьянства в торговом обороте, административно-судебный произвол. Этот путь вел к укреплению константинопольского патрициата, стремящегося использовать в своих узких целях государственный аппарат для ограбления провинций. В конечном счете этот путь вел к организации самостоятельных городских республик в крупных городах („венецианский путь развития“) и ослаблению императорской власти, укреплению синклита²⁵. Покупка званий открывала дорогу в ряды патрициата, покупка должностей — оформляла „право“ эксплуатации трудящихся города и провинции.

3. Третий путь — в условиях Византии, по существу, компромиссный — путь восточноазиатской деспотии, основанной на государственной собственности на землю.

Борьба за пути феодализации Византии осложнялась попытками отдельных прослоек духовенства теократизировать общественный строй Византии²⁶.

Народные же массы выступали против любых форм закабаления, что, в частности, проявлялось в различного рода „ересях“ (в особенности павликианской и в ее ответвлении на славянской почве — „богомильской“).

население оставляет приморские города, идет в горы, городское население образует крестьянские общины в горах. (E. Kirsten. Op. cit., S. 5). Против этого выступает Е. Э. Липшиц („К вопросу о городах в Византии“. ВВ, VI, 1953). Археология и нумизматика полностью подтверждают как упадок провинциальных городов, так и сохранение и даже рост значения крупных торговых центров.

²⁴ См. нашу статью „Проблемы иконоборчества в Византии“. УЗ Свердловского пединститута, вып. IV, 1948.

²⁵ Украинные города — Херсонес, Эдесса, Рагуза и др. вводили аристократическое управление, стремясь к фактической независимости (Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1947, cap. 42; Theoph. Conf., p. 123, 184, 360; Wilh. Turenz., IV, 2). Е. Ч. Скржинская. Рец. на кн.: А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). ВВ, VI, 1953, стр. 266 и сл.

²⁶ См. А. П. Каждан. Социальные и политические взгляды Фотия. „Ежегодник музея истории религии и атеизма“, II, 1958.

В недрах господствующего класса борьба проявлялась в стремлении овладеть государственным аппаратом. Наибольшей остроты борьба за путь развития феодализма достигла на рубеже VII—VIII вв. (правление Юстиниана II) и в период иконоборчества. Борьба вокруг икон, продолжавшаяся более столетия, генетически была связана с выступлениями широких масс против эксплуатации со стороны государства (налоговый гнет и бесправие) и со стороны господствующей церкви. Поскольку провинциальная землевладельческая знать в то время еще не была сильной и в основном крестьянство еще не ощущало особого гнета со стороны крупного землевладения, растущая провинциальная знать могла использовать эти настроения широких масс в целях свержения господства константинопольского патрициата. На первой фазе борьбы вокруг икон (726—821) иконоборцы, как представители феодализирующей провинциальной землевладельческой знати, овладев государственным аппаратом, направляли Византию по „каролингскому“ пути развития. На этом этапе иконоборцы опирались на сочувствие крестьянских масс, а также на поддержку плебейского населения Константинополя, стремившегося выйти из-под экономической зависимости от константинопольского патрициата. Это было время демагогических „силенциев“ и в то же время широких конфискаций земель политических противников — иконопочитателей и непокорных монастырей. Это было время укрепления позиций мелкого землевладения. Именно к периоду обостренной борьбы внутри господствующего класса (в правление или Юстиниана II, или Льва III) можно отнести издание „Земледельческого Закона“, который легализовал самоуправление византийской деревни. В то же время политика иконоборцев дает такие преимущества „фемной“ знати, овладевшей государственным аппаратом, что в дальнейшем начинается расхождение иконоборцев с широкими массами.

Переломным моментом в борьбе в недрах господствующего класса, а также в истории становления феодальных институтов можно считать восстание Фомы Славянина.

К этому времени — началу IX в. — переходную стадию в истории смены формаций в Византии можно считать завершившейся. Византийская монархия приобретает характер раннефеодальной, т. е. призванной завершить как закабаление крестьян, так и оформление феодальных институтов. Зависимость от крупного землевладения, начинает давать себя чувствовать широким массам. В восстании Фомы Славянина народные массы выступают уже не только против фискального гнета, но и против феодализации. Это — первое антифеодальное восстание в Византии.

В результате поражения восстания временно окрепла позиция иконоборчества (правление Феофила) и феодализирующейся знати на местах. Но дальнейшие выступления масс (павликианские войны) привели к временному затуханию борьбы внутри господствующего класса, что выразилось в прекращении борьбы вокруг икон. Разгром павликиан принес невиданное укрепление крупного землевладения в Малой Азии, в то же время значительно оправилась и константинопольская знать. Конец IX в. — время рецепции юстинианова права, что одновременно и отражало, и стимулировало рост товарных отношений в Византии.

X в. — время бурного развития феодальных отношений и в то же время обострения борьбы за направление феодального развития. Хотя константинопольский патрициат и провинциальная знать в конечном счете в равной мере основывали свое могущество на землевладении, они были, однако, носителями разных внешних форм присвоения при-

бавочного продукта трудящихся. Значительное усиление местной аристократии подрывало основу власти константинопольского патрициата на местах, и это вынудило правительство, проводившее политику в интересах константинопольской знати, пересмотреть свое отношение к свободной крестьянской общине. Македонская династия стала поддерживать свободную крестьянскую общину против динатов. Поскольку в этом были заинтересованы и константинопольский патрициат, и торгово-ремесленные круги, и чиновно-бюрократический аппарат, и к тому же присоединялись соображения фискального и военного характера, такая политика велась настойчиво в продолжение почти столетия. Но одновременно с защитой против динатов крестьянство подвергалось ужасающему налоговому гнету, что давало возможность любому знатному мятежнику демагогически привлекать на свою сторону множество сторонников из широких масс. „Антидинатская“ политика сказывалась не только в новеллах X в. „Книга Эпарха“ определенно защищала против „динатов“ местных торговцев и ремесленников. Лев VI резко высказывался против лиц, кичащихся своим происхождением.

В XI в. противоречия между провинциальной знатью и городским патрициатом еще более обострились. Укрепляется сила синклита, местных судебных учреждений в Константинополе, даже влияние более широких масс столицы; собирались корпорации города. Развитие шло определенно по пути становления городской республики типа Венеции. И в то же время в провинции значительно усилились носители типичных „каролингских“ форм эксплуатации.

Политика, имевшая целью задержку развития крупного провинциального землевладения, привела к противоположному результату: протимесис создавал такие льготы для односельчан, что в недрах общины стал развиваться процесс выделения крупного землевладения, сначала путем покупки и использования труда мистиев и рабов, а потом париков²⁷. Общие интересы выходящей из среды крестьянской общины богатой прослойки и фемной знати сделали позиции крупного провинциального землевладения чрезвычайно прочными, и в 1081 г., используя тяжелое внешнеполитическое положение империи, провинциальная знать под руководством Алексея Комнина овладела государственным аппаратом, и, таким образом, в Византии победил окончательно „каролингский“ путь развития, но позднее, чем в Западной Европе. Это последнее обстоятельство определило сравнительное отставание военной организации Византии, которая в продолжение XI в. не могла последовательно развивать свой военный строй ни в духе феодального рыцарства, ни в духе итальянских городских республик. Переход власти в руки провинциальной знати создавал простор для формирования таких институтов, как прония, простасия, экскурсия, способствующих более широкому превращению крестьян из свободных общинников в зависимых. Однако нельзя считать, что в Византии окончательно исчезла крестьянская свободная (во всяком случае от частного землевладельца, но не от государства) собственность. Ведь наряду с процессом концентрации земель в руках феодалов происходил

²⁷ Вводя систему протимесис, византийское правительство, в сущности, легализовало фактически существующие нормы обычного права, сложившиеся в результате влияния обычаев славянской общины, включившейся в общество, где господствовала частная собственность на землю. Система протимесис является одним из влияний пережитков славянского родового строя, общим и другим племенам, выходящим из стадии родоплеменных отношений. Градация в системе протимесис могут быть объяснены только влиянием пережитков родового строя, так как в IV—VI вв. этой традиции не было, и оказывалось предпочтение исключительно жителям данной митрополии (см. нашу статью в ВВ, X, 1956, стр. 36 и сл.).

весьма значительный по своему удельному весу процесс распыления собственности на землю. Вступление Византии в новую фазу феодальных отношений безусловно способствовало росту производительных сил в провинции — настолько, что можно говорить о появлении национального рынка, а вместе с тем стал возможным переход Византии на путь сословной, или абсолютной национальной централизованной монархии, минуя стадию феодальной раздробленности. Некоторые условия (например размах товарного производства) были налицо. Но „западническая“ политика Алексея и Мануила Комнинов, их неосторожные союзы с итальянскими городами (отражавшие невнимание к интересам горожан) подорвали силу местного городского населения, без поддержки которого невозможно было переходить на путь абсолютной монархии. При Мануиле окончательно победила прониальная система.

Вопрос о западном происхождении византийского феодализма, выдвинутый старой буржуазной византистикой, бесповоротно разрешен признанием самостоятельного феодального развития Византии. Однако в борьбе за свой путь феодализма в Византии Комнины не только перенимали внешние атрибуты западноевропейской монархии, но и опирались на западные элементы (привлечение западных авантюристов, использование иногда и западного права).

После неудачной попытки Андроника предотвратить распад Византии переход в стадию феодальной раздробленности стал проходить бурными темпами (при Ангелах и особенно после событий 1204 г.), но позднее, чем на Западе, тогда, когда там раздробленность была уже пройденным этапом в ряде передовых стран.

Безусловно, феодальная раздробленность в начальной стадии оказала положительное влияние на развитие производительных сил в провинции — развиваются новые центры²⁸. Но нужно отметить, что развитие производительных сил шло не в направлении создания национального рынка и экономического объединения страны. Развивалось главным образом сельское хозяйство крупных сеньориальных центров. Товарное производство в феодальных владениях было важным экономическим фактом того времени. Хлеб, оливы, вино — главные товары для внешнего рынка. Развитие хлебной торговли не укрепило Византию, но, наоборот, способствовало усилению центробежных сил. Из страны, вывозившей в X в. предметы роскоши, Византия в XIII—XIV вв. превратилась в страну, вывозившую сельскохозяйственные продукты и сырье. Подобная торговля при отсутствии преобладания на море и без мощного торгового флота совершенно не способствовала росту городского сословия и препятствовала возникновению собственной буржуазии²⁹. Все развитие экономики Византии в таких условиях способствовало только усилению отдельных феодальных центров, будь то Афонские монастыри или вотчины пелопонесских магнатов. XIV век отмечен попытками борьбы городов за автономию³⁰. Это было

²⁸ Э. Франчес (E. Francès. La féodalité et les villes byzantines au XII-e et au XVI-e siècles. BS, t. XVI, 1955, p. 96) преувеличивает конкурентную способность византийского городского населения, указывая на жалобы итальянцев о нарушении их привилегий. Считаю, что эти жалобы касаются скорее пошлян, придирчивости администрации, а не вытеснения итальянцев византийскими купцами.

²⁹ Е. Кирстен (op. cit. p. 41) считает Византию XIII—XIV вв. отсталой в торговом отношении страной, утверждая, что фактически Византия не вышла из той стадии внешней торговли, какая была характерна для монархии Карла Великого. Автор однако забывает указать, что такой отсталый характер торговли объясняется иностранным засильем, превратившим Византию в „хинтерланд“ Северной Италии.

³⁰ Уже с конца XII в. появляются в процессе раздробления фем мелкие феодальные объединения с городами во главе. Хозяин города (*кэфалу*) имел права над тер-

борьбой одновременно и против феодалов, и против засилья иноземцев. Правительство Византии, в противоположность французскому, не вступило в союз с городами. К тому же характер внешней морской торговли того времени предоставлял городам больше выгоды от самоуправления, чем от централизации. Только отчаянная борьба против феодальной духовной и светской провинциальной землевладельческой знати могла бы повести Византию на путь создания греческого национального государства. Был момент, когда, казалось, Византия стала переходить на путь к абсолютизму, — когда правительство Анны Савойской и Алексея Апокавка выступило против феодальных магнатов, расправляясь и со светскими феодалами и отнимая земли у монастырей для создания военной силы. Плебейские массы Константинополя, крестьянство провинции, зилоты Фессалоники стремились повернуть Византию на путь борьбы против феодальной раздробленности. До настоящего времени в нашей литературе недостаточно объясняется легитимистское настроение фессалоникийских зилотов³¹. По нашему мнению, это нужно объяснить поддержкой политики Апокавка. Безусловно, без участия королевской власти вообще ликвидация феодальной раздробленности и переход на более прогрессивную стадию развития феодализма были бы немислимы. В этом отношении политика Алексея Апокавка могла бы при дальнейшем развитии пойти по пути Ивана Грозного, Людовика XI, Фердинанда Испанского, Йорков. Но страх перед народными движениями, с одной стороны, и исключительная слабость зарождающихся буржуазных элементов при неблагоприятном внешнем положении привели к событиям лета 1345 года, когда вместе с убийством Алексея Апокавка прекратилась борьба как против феодальных магнатов, так и против паламизма. Движение зилотов локализовалось. Что же касается борьбы против иностранного экономического засилья, то она приняла религиозную антикатолическую форму, что дало возможность выдвинуться в качестве руководителей антилатинской борьбы самым реакционным элементам, ведущим борьбу на два фронта: с одной стороны — против католицизма и с другой стороны — против всего прогрессивного в политической мысли, против зачатков идеологии зарождающейся буржуазии — гуманизма³². Слабость передовых элементов и раздробленность и придавленность масс не позволили преодолеть мистические антинациональные интересы феодалов духовных и светских. Результатом было то, что в решающий период турецкого наступления народные массы остались, фактически, без военного руководства и не смогли оказать должного сопротивления турецкой феодальной монархии.

риторией, но сам город как таковой не имел политических прав. В XIV в. обостряются отношения между императорским *кефалѣ* или феодалом-узурпатором и демосом. Поскольку в городах жили крупные феодалы, они составляли особый лагерь, поддерживающий *кефалѣ*. В этих городах назревала „коммунальная революция“ (см. E. Kirsten. Op. cit., p. 43). К этому времени относятся сохранившиеся привилегии, данные городам, которые представляли собой политическую силу в буре междоусобных или внешних войн (E. Francis. Op. cit.; P. Charanis. The aristocracy of Byzantium in the thirteenth century. Studies in Roman Economic and Social History in Honor of Allen Chester Johnson. Princeton, 1951; егo же. On the social structure and economic organisation of the Byzantine Empire in the XIIIth century and later. BS, t. XII, 1951).

³¹ Ср. положение Ф. Энгельса: „Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти“. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.

³² Основное исследование о причинах падения Византии: Э. В. Удальцова. О внутренних причинах падения Византии в XV в. ВИ, 1953, № 7; см. также F. Graus. Krise feudalismu ve XIV stol. „Historicky sbornik“, № 1. Praha, 1953.

Острая борьба за тот или иной путь развития феодализма в Византии до XIII в. обусловила медленность процесса перехода от одного исторически необходимого этапа к другому. Этим затормозилось в процессе генезиса феодализма развитие производительных сил, обусловилось постепенное отставание Византии от Запада, а вместе с тем и неспособность к сопротивлению против внешних врагов. Византия вступила в нисходящую стадию феодализма, не исчерпав всех возможностей развития феодального способа производства, которые могли бы проявиться при последовательном поступательном развитии по определенному пути становления феодальных отношений.
